

Література:

1. Большой индонезийско-русский словарь / Р. Н. Коригодский, О. Н. Кондрашкин, Б. И. Зиновьев, В. Н. Лощагин; под ред. Р. Н. Коригодского. – в 2-х т. – М. : Рус. Яз., 1990. – Т. 2: М – Z. – 496 с.
2. Демидюк Л. Русско-индонезийский словарь / Л. Демидюк, В. Погадаев, 2004.
3. Asy'ari H. Bahasa Arab dan Perkembangan Ilmu Pengetahuan / Hasyim Asy'ari. – Malang : Jurnal NADI, 1988.
4. Bauer L. English Word-Formation / Laurie Bauer., 1983. – 201 p.
5. Djufri M. Leksikon Islam / Muhammad Djufri. – Jakarta : Perkasa, 1988. – 170 hlm.
6. Katamba F. Morphology / Francis Katamba. – London : Macmillan, 1993. – 405 p.
7. Munawwir A. AI-Munawwir :Kamus Arab-Indonesia / A. W. Munawwir. – Yogyakarta : Pusaka Progressif, 1997.
8. Muslich, Masnur. Fonologi Bahasa Indonesia: Tinjauan Deskriptif Sistem Bunyi Bahasa Indonesia / Masnur Muslich. – Ed. 1, cet. Ke-4. – Jakarta : BumiAksara. – 190 hlm.
9. Rosyidi A. Ikhtisar Sejarah Sastra Indonesia / Ayip Rosyidi. – Bandung : Bina Cipta, 1998. – 249 hlm.
10. Ruskhan A. G. Bahasa Arab dalam Bahasa Indonesia / Abdul Gaffar Ruskhan. – Jakarta : Gramedia, 2007. – 181 hlm.
11. Sudarno. Kata Serapan dari Bahasa Arab / Sudarno. – Jakarta : Media Utama, 1990. – 274 hlm.
12. Verhaar J. Pengantar Linguistik / J.W.M. Verhaar. – Yogyakarta : Gadjah Mada University Press, 1993. – 148 hlm.
13. Yunus M. Kamus Arab-Indonesia / Mahmud Yunus. – Jakarta : Mahmud Yunus Wadzurriyyah, 1989.

УДК 811.11'42

Т. А. Вдовенко,*Измаильский государственный гуманитарный университет, г. Измаил*

НИСХОЖДЕНИЕ АВТОРА В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЫ

Статья посвящена описанию особенностей речи нетрадиционных повествователей в англоязычной художественной литературе. Вопрос о необычных типах нарраторов в статье освещается под новым углом.

Ключевые слова: автор, повествователь, англоязычные художественные произведения.

AUTHOR'S COMING DOWN IN ENGLISH PROSE

The article focuses on the peculiarities of nontraditional narrator's speech in foreign prose, deviations from literary speech. It also touches upon the problem of the main characters' speech. Narrative in these novels is presented through narrator's point of view. The present stage of linguistic research is characterized by an increased interest towards the problem connected with the study of peculiarities of narrator's speech and its typical deviations in English prose.

Despite the fact that the study of the problem of narrator was investigated by many scientists, narrator's speech was not considered. The relevance of the chosen topic represents the description of the characteristics of narrator's speech of the main characters. The aim of our article is to determine the peculiarities in the speech of the main characters. On the whole, the choice of the vocabulary depends on the theme of the novel, type and gender of narrators, and the environment of the characters, through whose point of view the story is presented.

Such non-traditional points of view as narrative by a dog, a horse, a woodworm, a vase, a bottle makes it possible to describe things from unexpected angle. The results of the research can serve as a theoretical and practical basis for further study of the peculiarities of narrator's speech. The prospects of investigation are to describe the peculiarities of narrator's speech in literature of different countries.

Key words: author, narrator, English fiction.

НИСХОЖДЕННЯ АВТОРА У АНГЛОМОВНІЙ ХУДОЖНІЙ ПРОЗІ

Статтю присвячено особливостям мови нетрадиційних оповідачів у англomовній художній літературі. Під новим кутом в статті висвітлюються питання про незвичні типи нараторів.

Ключові слова: автор, оповідач, англomовні художні твори.

Цель статьи – описать особенности речи повествователей, стоящих ниже человека по ступени развития и ведущих повествование в англоязычной художественной литературе. Задача заключается в выявлении их общих и специфических характеристик.

Объектом исследования послужили англоязычные произведения авторов Дж. Барнса «История мира в 10 1/2 главах», А. Сьюэлл «Приключения Черного Красавчика», К. Ли «Моя собака Платон», Т. Фишера «Коллекционная вещь» и Дж. Харрис «Ежевичное вино».

В литературе, особенно в художественной, используется самый уникальный из материалов, существующих на свете, – язык. Часто происхождение языка и происхождение человеческой цивилизации отождествляется. Только человек способен излагать, повествовать, рассказывать. Отказ от передачи повествования человеку и доверие его животным или еще ниже – неодушевленным предметам, обусловлен желанием человека преодолеть порог между природой и человеком, избавиться от одиночества по факту рождения. Человек ощущает себя обездоленным и обреченным, поэтому использует в литературе прием воображаемого нисхождения в низшие формы жизни, чья участь значительно беднее и горше человеческого удела.

Литературный прием передачи повествовательной функции бессловесному объекту используется издавна. Перечень «говорящих» животных и предметов довольно обширен.

Человечество постоянно предпринимает отчаянные попытки проникнуть в суть явлений и в секретную жизнь вещей. Для того, чтобы выйти к более глубокому пониманию реальности, литература использует прием, который определяется как «остранение». Он заключается в том, что наряду с традиционными рассказчиками от 1-го лица, с целью создания у читателя впечатления остраненности, автор выбирает «необычного» нарратора [1, с. 135]. Этот прием введен в научный обиход в 1915 году Виктором Шкловским. В теории «остранения» исследователь стремился обобщить способ обновления восприятия и показа явлений. По его мнению, остранение часто похоже по своему построению на загадку [2, с. 75].

Термин «остранение» чаще всего соотносится с английским «defamiliarization» или «making strange», указывающим на то, что функция литературы заключается в возобновлении свежести восприятия, которое стало привычным и автоматическим [1, с. 131]. По мнению английского исследователя Г. Кука, основным средством остранения выступает исполь-

зование повествователя, который может быть исключен из общественного окружения читателя [1, с. 136]. Г. Кук считает точку зрения подобного повествователя необычной и называет этот тип нарратора «defective narrator». В свете теории остранения авторы художественных произведений перепоручают рассказ такому повествователю, который смог бы показать разнообразие мира, расширить представление читателя об окружающей действительности.

Важная роль в создании остраненности повествования принадлежит таким неантропологичным антропоморфным повествователям, как: 1) *животные* (повести А. Сьюэлл «Приключения Черного Красавчика» и К. Ли «Моя собака Платон»); 2) *низшие биологические сущности* (роман Дж. Барнса «История мира в 10 1/2 главах»); 3) *предметы, артефакты* (романы Т. Фишера «Коллекционная вещь» и Дж. Харрис «Ежевичное вино»). Все эти «не-люди», приобретая статус повествователя, подвергаются антропоморфизму. Так, предмет – это уже не просто вещь, а персонифицированная очеловеченная сущность.

Такое разнообразие типов повествователей во многом обязано теории антропоморфизма, которая рассматривается как одна из форм анимизма системы фантастических представлений о наличии у человека, животных, растений, предметов независимого начала – души [4, с. 25].

Передача функции повествователя нетрадиционному персонажу обусловлена стремлением автора показать мир не таким, каким его воспринимают обычные люди. Так в произведении Дж. Барнса «История мира в 10 1/2 главах» в одной из глав повествователем выступает жук-древоточец.

Лексикон жука-древоточца в романе Дж. Барнса «История мира в 10 1/2 главах» изобилует не только *зоосемизмами* (*heron, hoopoe, camel, rabbit, hippopotamus, ruminants, stork, behemoth, elephant, salamander, gorilla, seal, ass, goose, snake, woodworm, griffon* и др.), которые представляют среду его обитания, но и включает библейскую и мифологическую лексику: *Noah, Ark, Flood, Canaan, Deluge, basilisk*. В его речи много слов и выражений из латыни: *xestobium rufo-villosum* [7, p.18], *anobium domesticum* [7, p.19], *qui pro quo* [7, p. 26] и др. Использование этих разрядов лексики сопряжено с философским планом романа и служит раскрытию отношения рассказчика к разным живым существам: птицам, животным, насекомым, людям и т.д., населяющим его мир.

По данным В.С. Горовой, в современных английских романах средние размеры абзаца колеблются от 75 до 117 слов [5, с. 19]. Данные, полученные в ходе нашего исследования, не укладываются в этот интервал. Так, среднее количество слов в абзаце у обладающего философским мировоззрением жука-древоточца в произведении Дж. Барнса составляет 167 слов.

В следующем примере жук-древоточец дает описание внешности Ноя, его жены и их детей:

Noah and his wife had dark hair and brown eyes; so did Ham and his wife; so, for the matter, did Shem and Varadi and... [7, p. 23].

Тематика (философские отвлечения, морально этические суждения, мысли о происходящем) и протяженность композиционно-речевых форм «рассуждение» строят образ рассказчика. Наличие или отсутствие композиционно-речевой формы «рассуждение» уже само по себе характеризует повествователя. В следующем примере рассуждения червячка на тему, почему его сородичей не удостоили чести взять на Ноев ковчег, заставляют читателя видеть в нем натуру, склонную к философским размышлениям, критическому анализу, осмыслению происходящего: ... *But I have to tell you? That was nearly one more species you lost.*

I suppose it wasn't altogether Noah's fault. I mean, that God of his was a really oppressive role-model. Noah couldn't do anything without first wondering what He would think. Now that's no way to go on. Always looking over your shoulder for approval – it's not adult, is it? And Noah didn't have the excuse of being a young man either. He was six hundred-odd, by the way your species reckons these things. Six hundred years should have produced some flexibility of mind, some ability to see both sides of the question. Not a bit of it. Take the construction of the Ark. What does he do? He builds it in gopher-wood. Gopher-wood? Even Shem objected, but no, that was what he wanted and that was what he had to have. The fact that not much gopher-wood grew nearby was brushed aside. No doubt he was merely following instructions from his role-model; but even so. Anyone who knows anything about wood – and I speak with some authority in the matter – could have told him that a couple of dozen other tree-types would have done as well, if not better; and what's more, the idea of building all parts of a boat from a single wood is ridiculous. You should choose your material according to the purpose for which it is intended; everyone knows that. Still, this was old Noah for you – no flexibility of mind at all. Only saw one side of the question. Gopher-wood bathroom fittings – have you ever heard of anything more ridiculous? [7, p. 21].

Антропоморфные рассказчики используют рассуждение не меньше, чем традиционные люди-повествователи. Большой процент КРФ «рассуждение» в романе Дж. Барнса «История мира в 10 1/2 главах» (8,95%) объясняется тем, что, несмотря на низшую биологическую форму развития, повествователь жук-древоточец наделен чертами философа.

Наличием анималистического повествователя отмечены повесть Анны Сьюэлл «Приключения Черного Красавчика», где повествователем является конь, и К. Ли «Моя собака Платон», в которой повествование передано собаке Платону. Характерно, что анималистический повествователь наделается не только способностями говорить и размышлять, ему также приписываются и сугубо человеческие эмоции.

Использование автором животных-повествователей вводит в текст совершенно неожиданную перспективу изображения событий художественной действительности, что, естественно, отражается и на речевой организации повествования, которая характеризуется сплавом отличительных черт животных.

Анализируемые художественные тексты представляют собой своего рода автобиографии животных-повествователей, где повествователи темпорально отдалены от описываемых событий. Например, рассказ коня Дарки, также как и собаки Платона – это повествование старых животных, много повидавших в жизни:

It was however, a happy ending to every one when I settled down under my dear maternal roof, and promised never, never to run away again.

And now I must bring my story to a close, for I am an old dog, as I have said, and I find it difficult to write without spectacles. I dedicate this book to children, because I have always been so fond of children, and children have always been fond of me.

And I hope you will all be as happy and as good and as loving and as beloved as I have been my whole life long [9, p. 180].

В данном примере собака-повествователь проявляет человеческие качества: Платон не только демонстрирует навыки письма, но и сетует, что вследствие его почтенного возраста без очков писать все-таки затруднительно.

Анималистический повествователь-животное имеет свои особенности мировосприятия. Наделенный способностями видеть, слышать и ощущать анималистический повествователь воспринимает мир по-иному, нежели человек. Некоторые параметры перцепции животного развиты сильнее, чем у человека (например, слух, ощущение запахов: *dirty-smelling clothes* [9, p. 116]; *We have far keener hearing, as well as eyesight and smell, than most human beings* [9, p. 139]; ... *the clean fresh smell there was about him made me to take to him; no smell of old beer and tobacco, which I hated, but a fresh smell as if he had come out of a hay-loft* [8, p. 132].

Животные-повествователи обладают исключительной слуховой перцепцией. По голосу конь-повествователь может даже охарактеризовать человека: *He seemed very low-spirited; I knew that by his voice. I believe we horses can tell more by the voice than many men can* [8, p. 80].

В следующих анализируемых произведениях предметы-повествователи представлены лишь *артефактами*, такими, например, как старинная ваза (повесть Тибора Фишера «Коллекционная вещь») и винная бутылка (произведение Джоан Харрис «Ежевичное вино»). В этих текстах все происходящие события описываются сквозь призму восприятия предметов. Предметы живут в очень сложном мире человеческих отношений, где люди озабочены только своим карьерным ростом, что принято называть «цивилизованностью», «прогрессом», «успехом», «имиджем» и т.д., которые обнажают чисто человеческую сущность.

Главный персонаж (она же рассказчица) повести Тибора Фишера «Коллекционная вещь» – старинная керамическая ваза 843 г. до н.э., побывавшая в руках сотен хозяев, на дне моря, в гробнице фараона. Ваза говорит на 5000 языках, может менять форму, размер: *I know more than five thousand languages (even if you want to get dainty about what's language and what isn't)* [10, p. 5]; хвастается своими познаниями в медицине: *With all my medical experience, greater than any three teaching hospitals you could care to name...* [10, p. 3]. Ей представляется, что не люди ее коллекционируют, а она их коллекционирует. Человек, как правило, не догадывается, что за ним ведется наблюдение, поэтому в поле зрения вазы попадают достаточно неблагоприятные человеческие деяния. Становясь субъектом наблюдения, предмет, вещь начинает действовать по отношению к людям так, как поступали с ним (предметом).

Результаты анализа мировосприятия и отражения действительности предметом-повествователем, свидетельствуют о причине, почему Тибор Фишер для воплощения художественного замысла выбрал именно такого рассказчика. Фактически, в замысел автора входило собрать в одном субъекте-рассказчике максимальный опыт отражения действительности, включающий в себя достаточно большой исторический промежуток времени для того, чтобы показать эволюцию человеческих взглядов в историческом разрезе, зависимость их мировосприятия от социальной принадлежности, вероисповедания и прочих социальных атрибутов. Безусловно, с такой задачей может справиться только предмет-повествователь. Люди и животные эту задачу автора решить не могут в силу своей тленности и временности пребывания в материальном мире. Ваза, являясь прямым свидетелем того, что происходило и происходит вокруг нее, не стареет и не умирает, напротив, она становится более ценной и мудрой. Таким образом, Тибор Фишер создал образ повествователя, независимого от материальных благ, условностей социальной жизни, тленности физических тел, и в тоже время выносящим взвешенные суждения по отношению к ним.

В отличие от наблюдателей, которые могут выбирать, изменять собственную позицию (ракурс), предметы-повествователи – статичны. Они описывают лишь то, что видят, чем создают впечатление отсутствия целостности мировосприятия. Воссоздание полной картины мира заменяется на осколочное ее изображение. Автор, скрывающийся за маской вазы-повествовательницы, демонстрирует невозможность логического повествования предметом-повествователем, поэтому она повествует о самом памятном и приметном. Через призму вазы изображаются факты, события, явления, на первый взгляд, лишённые логики или непоследовательные, представляющие собой разрозненные впечатления, встречи, беседы. Эта дробность описания специфична и для предмета-повествователя винной бутылки из романа Дж. Харрис «Ежевичное вино», характерной особенностью которого является повествование без абзачных отступов, что в терминах лингвистики текста маркируется как прием начала с середины.

Таким образом, в художественной литературе в роли повествователя в зависимости от целей, поставленных автором, могут выступать не только люди, но и животные, низшие биологические сущности и даже неодушевленные предметы. Нисхождение автора до такого уровня повествователя расширяет рамки восприятия мира.

Нисхождение автора – является литературным приемом для показа (воссоздания) полной картины мира, включая его восприятие глазами низших по ступени развития существ. Цель приема нисхождения заключается в стремлении прорвать привычную наружность явлений, чтобы выйти к более глубокому пониманию реальности. Задача состоит в том, чтобы сообщить прелесть новизны предметам и создать чувство, сходное с сверхестественным, пробуждая душевное внимание из его обычной спячки и направляя его на чудеса окружающего мира.

Вышеперечисленные персонажи действуют вразрез с нормами, которым подчиняется окружающий их социум.

Организация повествования точкой зрения предмета дает возможность представить события в новом, неожиданном, «остраненном» ракурсе. Введение неодушевленного повествователя, по мнению Е. В. Игиной, следует рассматривать как крайний случай эксплицитного самоустранения автора и активизации прагматической установки на сотворчество читателя [6, с. 90].

Интересным представляется сопоставление лингвистической организации речи подобных повествователей в разных литературах, с целью выявления особенностей, присущих английской литературе.

Литература:

1. Cook G. Discourse and Literature / G. Cook. – Oxford : University Press, 1994. – 285 p.
2. Шкловский В. Б. Тетива. О несходстве сходного / В. Б. Шкловский. – М. : Сов. Писатель, 1970. – 375 с.
3. Клев И. Нисхождение автора / И. Клев // Иностранная литература. – 1999. – № 8. – С. 100-103.
4. Ожегов С. И. Словарь русского языка: ок. 57000 слов // Под ред. докт. филол. наук проф. Н.Ю. Шведовой. – 16-е изд. испр. – М. : Рус. яз., 1984. – 797 с.
5. Горевая В. С. Статистическое описание функционально-стилевых подразделений современного английского языка / В. С. Горевая. – Калинин, 1974. – 151 с.
6. Игина Е. В. О понятиях «образ автора» и «точка зрения» в теории и практике анализа литературно-художественного произведения / Е. В. Игина // Записки з романо-германської філології. – Одеса. – Вип. 11. – 2002. – С.85-95.
7. Barnes J. A History of the World in 10 1/2 Chapters: [novel] / Julian Barnes. – New York: Vintage, 1990. – 307 p.
8. Sewell A. Black Beauty : [novel] / Anna Sewell. – London : Penguin Books, 1994. – 213 p.
9. Cornwall L. My Dog Plato : [novel] / Leigh Cornwall. – New York : A.L.Burt Publisher. –180 p.
10. Fischer T. The Collector Collector : [novel] / Tibor Fischer. – London : Vintage, 1997. – 215 p.